

РУССКИЙ СМЕХ НЕ МОЛЬЕРОВСКИЙ

Драматургу Степану Лобозеру не привыкать писать пьесы-шлягеры. Не в первый раз потчует зрителя комедией. Так было и с комедией «По соседству мы живем» (1991), так случилось и с «Именинами с костылями» («Семейный портрет с посторонним»), которая с успехом идет по стране. Премьера состоялась в Санкт-Петербурге, в БДТ, а в этом сезоне Евгений Лазарев поставил пьесу Лобозерова на малой сцене «Под крышей» театра Моссовета.

Кстати, в БДТ начали репетировать тоже сначала на малой сцене, но громкий успех решил перенос работы на большую. Вряд ли такая перспектива возможна у Моссовета, однако в театре — аншлаг.

Герои пьес Степана Лобозерова — люди предместья, жители района, обитатели сельского ландшафта — все те, кто выброшен пространствами этой страны за черту городской цивилизации. Но они не чувствуют себя забытыми, хотя кого, как не их, забыл мир.

Недоразумение — основа комедийных сюжетов Лобозерова. Однако вовсе не водеvilные перипетии управляют действием. Каким-то необъяснимым образом драматург соединяет наивное простодушие своих героев, элементарную, даже глуповатую интригу с удивительной нежностью, растворенной в пьесе. Русский смех — не разоблачающий мольеровский, русский смех оборачивается то ненавистью, то печалью. Лобозеров и смеется, но он же и печалится.

Природу этого задушевного лирического смеха и уловил Евгений Лазарев, и потому, на мой взгляд, спектакль состоялся в главном. Он врачует, смеясь и грустя.

Камерную элитарную сцену Лазарев превратил в деревенскую избу, где все на виду, где все слышно. Зритель здесь — как бы деревенский, из местных. Его берут в свидетели именин с костылями.

Именины глава семьи Тимофей любит справлять не по церковному календарю, а по велению души и сердца. Тимофей не пьяница, нет, просто его душа тоскует по праздникам. И надо же — однажды после неумеренных именин он ломает ногу. Весь спектакль Тимофей просит, умоляет, наконец, требует от жены Катерины именин и костылей.

Тимофея играет Юрий Кузьменков. Театр использует редкую актерскую фактуру добродушного балагура, шушинского чудака. Но что-то мешает назвать Кузьменкова «рубашечным героем». Казалось бы, есенинский льняной вихор, открытое русское лицо — такие лица особенно любила эпоха сталинского кинематографа, свой рубаха-парень. Однако любое балагурство в нем вот-вот готово сорваться в печаль, веселье в тоску. Его характеру не свойственны полутона. Такие типы проживают на полную катушку, откликаясь всем сердцем на любое событие: и на застолье-именины, и на заезжего городского гостя-художника, и на расплодившихся на крыше котят... Масштаб переживаний, впрочем, не всегда соответствует масштабу события. Да герои такого рода и не ищут соответствий. Напротив, заурядное происшествие ими преобразуется в незаурядное событие. Именно в этом — источник как комедии, так и драмы. Перебор!

Именины — прежде всего повод, чтобы семье посидеть «по-людски», ощутить стены как дом, а близких — как самых близких. Наконец, эти вечные именины нужны Тимофею как повод для любви. Такой вот поиск радости. Тимофей требует надеть на него костюм — не сидеть же в исподнем. Жена Катерина — Ольга Анохина — выплывает в роскошном белом атласно-кружевном, почти подвенечном наряде. Где ей еще показаться в этой красоте? В очереди в сельпо? в районном автобусе? в местном клубе? там даже в шубе холодно! Только дома, на «предварительных» именинах преобразуется она в царицу, красавицу. Выход в новом наряде сравним с демонстрацией супермоделью ударного платья от кутюр. И заветную бутылку жена не брякнет сварливого на стол, а достанет из тайника как священный сосуд и как жрица в торжественной тишине поставит на стол.

Скупа русская натура на похвалы, лишь жена находит с трудом добрые слова о муже. А вот бабка — мать Тимофея — первой омрачит организованное веселье: отец-де лучше был, а как выглядел, какая у него борода была! — подпортит песню. Бабку с азартом играет Наталья Ткачева. Ее маленькая, сухонькая старушка, которая, хоть и пугается заезжего городского гостя, но на

самом деле черта не боится. В ней живет дух озорства, любопытства. Старуха Наталья Ткачева — остроумное, лукавое создание.

Самое комедийное в комедии Лобозерова — сюжет с дурдомом. В современной драматургии граница нормы и не-нормы зыбкая. Весь мир — дурдом, — могут сказать многие авторы современной пьесы. Однако вряд ли так скажет Степан Лобозеров, несмотря на то, что именно взаимное подозрение героев в сумасшествии друг друга — напряженная интрига комедии: Тимофея и семью убедили, что художник бежал из клиники, а художника уверили: ты попал в семью чокнутых. Взаимные подозрения не ослабевают, а усиливаются, обе стороны, помимо своей воли, убедительно демонстрируют друг другу свою ненормальность. Чего только не произойдет в этом переполохе: ночь с топором под подушкой, уверенность в отравлении и т.д. Чуть ли не пиранделловский сюжет разыгрывается в сибирской избе.

Словом, спектакль смешной, и, если вы истосковались по здоровой комедии, то не пожалеете, проведя вечер на сцене «Под крышей» театра Моссовета с непутевыми героями «Именин с костылями».

Вместе с тем не все получилось. Стоило бы театру пристойней одеть спектакль: одно дело бедность героев — другое — когда видна бедность театра. Этот спектакль силен тщательной, вдумчивой актерской разработкой ролей, чем знаменит наш известный актер Евгений Лазарев. Однако из поля зрения режиссера исчез взгляд на решение сценического пространства: мы не ощущали ни холод сибирской деревни, ни морозную ночь затерянного предместья.

Зато есть другое, что окупает эти недостатки, то, чего не хватает многим нашим спектаклям: простота чувств и чувствований и, как ни парадоксально, психологическое здоровье характеров, несмотря на то, что каждый из героев временами и вправду похож на ненормального. Наконец, есть тайная нежность автора и режиссера к персонажам, людям, миру.

Ольга ТАЛАХОВА